

исчезли. Оправившись отъ изумленія, Эдуардъ сказалъ:

— Я очень счастливъ этимъ предпочтеніемъ. Но скажите, прекрасная маска, знаете вы меня или выбрали случайно, или — лишь въ отчаяніи? Не знаю, но я, несомнѣнно, не встрѣчалъ такой прелестной женщины, какъ вы.

И онъ осматривалъ молодую женщину, рука которой тихонько вздрагивала въ его рукѣ. Онъ удивлялся ея стройности, ея бѣлой шеѣ, ея глазамъ, сверкавшимъ въ разрѣзахъ маски, и нижней половинѣ ея лица, которая не была прикрыта. Его самолюбіе было польщено этой женщиной, въ которой ему всѣ завидовали.

Въ теченіе четверти часа онъ ломалъ себѣ голову, раздумывая, кто-бы она могла быть. Наконецъ, его поразило ея молчаніе; на вопросъ, не боится-ли она быть узанной по голосу, она отвѣтила утвердительно знакомъ.

— Вы, стало быть, не скажете мнѣ ни слова? Это убійственно! Въ сущности, вы свободно могли-бы говорить безъ боязни: мой музыкальный слухъ настолько грубъ, что я бы ничего не узналъ. Впрочемъ, развѣ измѣнить голосъ труднѣе, чѣмъ закрыть лицо? Ну, скажите хоть что-нибудь по-французски или по-итальянски, если можете. Есть на свѣтѣ одна лишь женщина, которую я, быть можетъ, узналъ-бы по голосу, это — графиня ***; но она не вы — она брюнетка и ей тридцать два года.